

А. Н. Кошечко

ФОРМЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Статья посвящена исследованию генезиса, атрибутивных характеристик экзистенциального сознания как философски-художественного феномена и способов его репрезентации в формах художественного письма в творчестве Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский, автор, экзистенциальное сознание, «пограничная ситуация», рефлексия, генезис, диалог, творческий метод, синтез, жанр, эго-текст.*

Экзистенциальное сознание как феномен, отражающий специфику ментальности автора и уникальность его творческого метода, является одной из наиболее актуальных проблем современной литературоведческой науки¹. Опыт смежных отраслей знания – философии, психологии, культурологии – позволил сформировать необходимую методологическую базу для исследования воплощения этого феномена в художественной литературе. В то же время анализ истории вопроса показывает, что интерес специалистов-филологов вызывает в большей степени содержательная сторона репрезентации экзистенциального сознания в мировоззренческих доминантах писателей, в тематике и проблематике их произведений, в то время как сама специфика проблемы предполагает качественно иную стратегию исследования феномена экзистенциального сознания как творческой, динамической системы, включающей в себя и мировоззрение автора, и его эстетику, и собственно творчество (художественные тексты, публицистика, письма, дневники и т. д.). Показательным в этом отношении является жизненный и писательский опыт Ф. М. Достоевского, который одним из первых в русской литературе выступил как носитель экзистенциального сознания, реализующего себя в принципиально новых по сравнению с предшественниками текстовых моделях и жанровых образованиях.

Прежде чем мы перейдем к разговору об атрибутивных характеристиках экзистенциального сознания, необходимо уточнить, какой именно смысл мы вкладываем в это понятие применительно к литературоведческой системе координат. При всем

многообразии трактовок термина ядерными смыслами в определении экзистенциального сознания являются акцент на субъективной переживаемости человеком себя в мире и мира в себе; интегративный характер (экзистенциальное сознание отражает представление о характере эпохи и мироощущении человека в ней, соединяет философские, культурно-исторические и литературно-художественные пласты); экзистенциальное сознание как категория метасодержательная диалектично позволяет воспринимать явление многоуровнево, в его многоосмысловых связях с другими явлениями эпохи.

Следовательно, в качестве рабочего определения мы будем использовать следующее: экзистенциальное сознание – философски-художественный феномен, существующий одновременно в двух ипостасях: как индивидуальный поведенческий текст писателя (повседневное-экзистенциальное сознание) и как тип художественного мышления, реализующий себя в различных формах художественного письма. Подобное определение позволяет нам акцентировать бытийный статус экзистенциального сознания, его незакрепленность за конкретной литературной эпохой и национальной культурой². Поэтому русское художественное сознание пореформенной эпохи может быть обозначено как сознание экзистенциальное, несмотря на то, что ни в философской мысли, ни в языке XIX в. подобного термина не существовало. Используя терминологию У. Эко, можно сказать, что экзистенциализм – это не фиксированное хронологическое явление, поэтому и рассматривать экзистенциальное сознание русских писателей XIX в.

¹ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство – СПб.», 2000; Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений. М.: «Русские словари», 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206; Созина Е. К. Сознание и письмо в русской литературе. Екатеринбург, 2001; Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на страницах столетий. М.: Флинта: Наука, 2002; Великоцкий В. В поисках утраченного смысла; Гадамер Г.-Г. Философские основания XX века // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / пер с нем. М.: Искусство, 1991; Ерофеев В. Найти в человеке человека (Достоевский и экзистенциализм). М.: Зебра Е, Эксмо, 2003; Бачинин В. А. Экзистенциальный след «приглашения на казнь» // Бачинин В. А. Достоевский: метафизика преступления (Художественная феноменология русского протомодерна). СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2001 и др.

² Ср. «Экзистенциальное сознание по своим истокам и возможностям философского и эстетического познания человека и бытия – феномен общечеловеческий и в значительной мере надисторический. Оно выразило различные типы сознания русского и европейского и явилось константной основой литературы разных периодов» [1, с. 26].

(Ф. М. Достоевского, Ф. И. Тютчева, Л. Н. Толстого) и формы его воплощения необходимо не как пролегомены к западноевропейскому экзистенциализму XX в., а как особую фазу развития экзистенциального сознания, обладающую своими специфическими чертами.

Сделанные нами замечания требуют постановки вопроса о методологии изучения экзистенциального сознания, сложная природа которого не поддается обычным аналитическим стратегиям. По мысли М. М. Бахтина, «чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, с ними можно только диалогически общаться. Думать о них – значит говорить с ними, иначе они тотчас же поворачиваются своей объектной стороной: они замолкают, закрываются и застывают в завершённые объектные образы» [2, с. 80] Данный постулат определяет стратегию диалогического взаимодействия исследователя с творческим универсумом Достоевского: от миромоделирующего начала, психофизиологических особенностей и жизненных впечатлений как основы формирования экзистенциального мирообраза в сознании писателя к исследованию экзистенциальных доминант в эстетике писателя и формам их воплощения в его художественной практике. Думается, что такая логика исследования позволит нам рассмотреть творчество Достоевского не только как первичную форму экзистенциальной философии на русской почве, но и выявить сами способы репрезентации экзистенциального сознания как целостной художественно-мировоззренческой системы.

Отправной точкой наших размышлений о специфике воплощения экзистенциального сознания в творческой системе Достоевского является вопрос об источниках формирования экзистенциального мирообраза. Представляется невозможным игнорирование физиологического аспекта во взгляде на эту проблему, поскольку картина мира формируется в сознании художника на пересечении общечеловеческих и индивидуальных особенностей личности. В данном аспекте психогенетические особенности представляются универсальным базисом, присущим человеку независимо от этнической принадлежности, вероисповедания и социального статуса, в то время как жизненный опыт писателя формирует уникальную манеру выражения универсального содержания.

Функциональная асимметрия головного мозга, специфика организации психических функций а priori определяют диалогичность мышления человека, постоянную потребность в собеседнике, в выражении своих мыслей вслух, адресно. Диалог с Другим или самим собой как Другим – органичная черта личности человека, обусловленная психогенетическими свойствами личности. Думается, что

явление диалога в художественной литературе отражает процесс постижения этих особенностей как способов выражения собственного «я», своеобразного кода к пониманию феномена межличностной коммуникации и вовлечения в процесс диалога экзистенциальных смыслов.

Все вышесказанное может быть в полной мере отнесено к Достоевскому и его мировосприятию с поправкой на индивидуальные особенности личности писателя, в числе которых доминантными, по нашему убеждению, являются эпилептическая конституция психики и опыт проживания «пограничных ситуаций» собственной жизни, сопряженный с опытом проживания «пограничности» самой эпохи 1860–1870-х гг.

Свидетельства о припадках, которые мы находим в воспоминаниях жены писателя Анны Григорьевны, у современников и биографов Достоевского, позволяют говорить об особом влиянии, которое они оказывали на его творчество. В той или иной мере они сопровождали создание всех романов писателя и были особенно сильными во время написания «Идиота» – «по разу в неделю». Это подтверждают и записи в дневнике Анны Григорьевны Достоевской, обуреваемой тревогой о муже: «В начале года погода в Женеве стояла прекрасная, но с половины февраля вдруг наступил перелом, и начались ежедневные бури. Внезапная перемена погоды, по обыкновению, раздражающе повлияла на нервы Федора Михайловича, и с ним в короткий промежуток времени случились два приступа эпилепсии. Второй, очень сильный, поразил его в ночь на 20 февраля, и он до того потерял силы, что, встав утром, едва держался на ногах. День прошел для него смутно...» [3, с. 193].

Припадки были для Достоевского неотъемлемой частью его жизни, при этом причина их возникновения до сих пор остается невыясненной. Как отмечают биографы писателя, припадки начались у писателя еще в детстве, но носили скрытый, латентный характер, и только после потрясшего его на восемнадцатом году жизни трагического события – убийства отца – приняли форму эпилепсии. Связь между этими событиями послужила З. Фрейду основанием для утверждения, что припадок является самонаказанием за пожелание смерти отцу. Постоянная потребность в наказании, каре была, по мысли Фрейда, органической потребностью личности Достоевского, при этом наказание могло быть в виде припадков, страсти к игре либо юридически налагаемого наказания: «Если правда, что Достоевский в Сибири не был подвержен припадкам, то это лишь подтверждает то, что его припадки были его карой. Он более в них не нуждался, когда был караем иным образом» [4, с. 107]. Отсюда, как полагает Фрейд, особая

симпатия Достоевского к преступникам, с которыми его объединяет понятие вины и наличие общих импульсов к совершению преступления.

При всей спорности и неоднозначности наблюдений Фрейда над особенностями эпилепсии Достоевского нельзя не отметить ряд принципиально важных моментов: причины возникновения эпилепсии кроются в глубинах подсознания и возникают вследствие перенесенных психоэмоциональных травм; эпилептические припадки накладывают определенный отпечаток на образ мыслей и поведение человека. Это подтверждается и современными исследованиями, посвященными Достоевскому. Так, в качестве доминантных черт выделяются следующие:

1. С одной стороны, Достоевский как человек с эпилептической конституцией психики (и его герои-эпилептики, в частности князь Мышкин) руководствуется прежде всего субъективными переживаниями и настроением, нежели критическим, разумным сознанием объективно воспринимаемой действительности, более проблесками выявляющихся из подсознательной сферы его внутреннего мира оригинальных, часто глубоких и верных, идей, нежели из обдуманных и сколько-нибудь обоснованных убеждений.

2. С другой стороны, Достоевского, как и его героев, отличает полярность аффектов, при которой наблюдается резкая перемена настроения от оптимизма, жизнелюбия, радости и воодушевления к мрачности, пессимизму, скрытой или явной агрессии: «Такое совершенно неконтролируемое раздвоение чувств, раздвоение, при котором «изменяются все впечатления» – сладость на боль, сопричастность на отчуждение, смех на слезы, радость на уныние, – преследовало Достоевского всю жизнь» [5, с. 32].

Эпилептическая конституция психики, резкие перемены настроения во многом определяют и реакцию Достоевского на события внешнего мира. Здесь необходимо отметить, что жизненный опыт писателя является уникальным примером переживания целого ряда «пограничных ситуаций»: детство в Московской больнице для бедных, смерть матери, Инженерное училище, трагическая гибель отца, следствие по делу петрашевцев, пребывание в Алексеевском рavelине, ожидание исполнения смертного приговора на эшафоте, каторга, ссылка, опыт добровольного изгнанника в Европе в 1867–

1871 гг. в период своего вынужденного четырехлетнего пребывания за границей, смерть дочери и т. д. Это далеко не весь спектр ситуаций самоопределения Достоевского перед лицом смерти. Но для нас в данном случае важны не столько количественные, сколько качественные характеристики. Непрерывное смещение ценностных ориентиров, наложение одних нормативных принципов на другие, нахождение в «пограничных ситуациях», угрожавших ему нравственной смертью, – все это определило основную мировоззренческую задачу Достоевского – самоопределиться идеологически, философски, устоять духовно, нравственно, не ожесточиться, не стать человеконенавистником, рассчитывать только на себя.

Следовательно, психогенетические и мировоззренческие особенности личности Достоевского играют ведущую роль в генезисе экзистенциального сознания писателя, которое обладает следующими атрибутивными характеристиками:

1. Возникновение в «пограничной ситуации» (К. Ясперс)¹, в которой происходит фундаментальное продумывание смысла бытия, экзистенциальное самоопределение личности относительно категорий «вина», «ответственность», «преступление», «смерть». В творчестве Достоевского мы обнаруживаем осознание писателем эпохи 1860–1870-х гг. как «пограничной ситуации» (в частности «Преступление и наказание» как первый «порегиментальный» роман; обращение в «Дневнике писателя» к анализу опыта пережитых самим Достоевским «пограничных ситуаций» – ожидание казни на эшафоте; каторга и ссылка). Эпоха 1860–1870-х гг. осмысливается Достоевским как ситуация кризиса, в которой доминирующими становятся процессы криминализации (превращения человека в преступника) и виктимизации (превращения человека в жертву): «перелом огромный и необыкновенный, почти внезапный, почти невиданный в истории по своей цельности и по своему характеру»² (т. 21, с. 94), «чрезвычайное экономическое и нравственное потрясение... Тут все переходное, все шатающееся и – увы – даже и не намекающее на лучшее будущее» (т. 21, с. 96–97), «внутренний дух... внутренняя вековая правда... – пошатнулись вместе с зашатавшимися людьми» (т. 21, с. 100). Собственный экзистенциальный опыт проживания «пограничных ситуаций» приводит писателя к выводу,

¹ «Пограничные ситуации, по Ясперсу, суть те ситуации человеческого здесь-бытия, где становится невозможным рассчитывать на анонимные силы науки, где... человек должен полагаться только на самого себя и где в самом человеке обнаруживаются содержания, какие всегда бывают скрыты в процессе чисто функционального применения науки, нацеленного на овладение миром. Таких пограничных ситуаций много. У самого Ясперса особо выделена ситуация смерти, наряду с ней – ситуация вины (курсив мой. – А. К.). В том, как человек ведет себя, когда он виновен, более того, когда он оказывается лицом к лицу со своей виной, нечто выходит наружу, обнаруживается – existit» [6, с. 21].

² Ссылки на произведения Достоевского в круглых скобках по изданию: [7].

что в переломные эпохи человек вынужден самоопределяться относительно двух доминант – преступник или жертва, причем в большинстве случаев это не столько сознательный выбор (хотя и он для Достоевского как личности экзистенциальной мироориентации не исключается), сколько трагические последствия нравственной дезориентации. Нравственность здесь понимается в экзистенциальном смысле: не как «внешний» закон, требующий «внешнего» исполнения, а глубинный, фундаментальный закон личности, «интуитивная нравственность». Абсурд ситуации заключается в появлении особого типа преступника-жертвы, который одновременно и виновен в своих действиях, и не виновен. Выбор для личности, которая стремится сохранить себя, выйти из пограничной ситуации, остается только один: чтобы не стать преступником, человек сознательно становится жертвой. То есть потенциально в переломный, кризисный момент жертвой может стать абсолютно любой человек: он уже изначально, до ситуации преступления, жертва эпохи, «трагической минуты». Следовательно, для Достоевского быть или не быть жертвой – это экзистенциальный выбор в «пограничной ситуации» перед лицом смерти.

2. Преставление о человеке как носителе свободной воли, реализующей себя в персональной позиции. Человек, по мысли Достоевского, – это всегда результат собственного выбора, именно он несет личную ответственность за принятие решений и их воплощение, обладает возможностью для постоянного изменения. Этим убеждением объясняется категорическое неприятие Достоевским идеи социального детерминизма, которая лишает человека свободы выбора собственной персональной позиции, обезличивает его.

3. Рефлексия (саморефлексия), отказ от самолюбия, преодоление духовной инертности, равнодушия и нравственного индифферентизма. Рефлексия по проблемам смысла позволяет человеку, по мысли Достоевского, актуализировать собственную ответственность по отношению к собственной жизни и миру.

4. Осмысление бытийных вопросов для носителя экзистенциального сознания происходит исключительно через призму собственного опыта, через опытно познаваемые данности экзистенции – исполнение и страдание¹.

5. Бинарная природа экзистенциального мышления, реализующая себя в системе идеологических оппозиций. Так, в «Дневнике писателя» противопоставление сознания «счастливого», целост-

ного сознанию «несчастному», разорванному оказывается предпосылкой исследования вопроса о генезисе сознания экзистенциального: «“Счастливое сознание” выступает... в качестве суррогата целостного сознания, это – мнимо-счастливое сознание, фикция. Его спокойствие базируется на самозамыкании и самоизоляции. Поэтому первое же серьезное столкновение с действительностью обращает его от «полного спокойствия» к полной растерянности и в конечном итоге приводит к краху» [8, с. 155]. И далее: «“Полное спокойствие”, “счастье”», якобы заменяющее целостность сознания, выступает теперь как естественное следствие дикости, неразвитости, утробности. «Успокоенная хлестаковщина» синонимична абсолютной бездуховности, моральному самоубийству» [8, с. 157]. Итогом размышлений писателя становится мысль о том, что спокойствие недопустимо для личности экзистенциальной мироориентации. Как мы уже отмечали выше, Достоевский не оперирует терминами «экзистенциализм», «экзистенциальный», поскольку их еще нет в русском языке, но эти рассуждения писателя являются еще одним аргументом в пользу того, что он говорит именно об экзистенциальных категориях.

6. Проблема Я и Другие, которая обнаруживает себя, с одной стороны, в диалогическом характере мышления человека, острой потребности в Другом, диалогическом обмене с внутренним и внешним миром как средствах исполнения экзистенции, с другой стороны, необходимости самоидентификации, дистанцирования от Другого как потенциальной угрозы целостности собственной экзистенции.

7. Постановка «болевых» вопросов о смысле собственной жизни и жизни вообще реализуется в идеологических моделях, которые, при всей четкости формулировок, не претендуют на высказывание одной, раз и навсегда данной истины (боязнь человека иметь собственное мнение, совершать собственный идеологический выбор, боязнь своего лица, «своей правды»). Так, в «Дневнике писателя» проявление экзистенциального сознания маркируется в тексте использованием личного местоимения «Я» как знака вхождения в сферу экзистенциального опыта автора, не претендующего при этом на сообщение одной, одинаковой для всех, истины: «Я заговорил теперь про себя, чтоб иметь право говорить о других. Тем не менее буду продолжать только об одном себе, о других же если и упомяну, то вообще, безлично и в смысле совершенно отвлеченном» (т. 21, с. 129), «я опять про

¹ Страдание – отрицательный опыт (опыт пребывания Достоевского на каторге, потеря близких, болезнь), исполнение – внутреннее соответствие между содержанием опыта и глубинной сущностью личности (Достоевский-издатель «Дневника писателя» – предельная презентация экзистенциального опыта).

себя одного говорю... Мне очень трудно было бы рассказать историю перерождения моих убеждений, тем более что это, может быть, и не так любопытно» (т. 21, с. 134), «если отвечаю теперь и жертвую местом, то отвечаю, так сказать, на свои собственные сомнения и, так сказать, самому себе. ...По крайней мере, совесть моя будет спокойна, вот что» (т. 24, с. 46).

Синтезный характер экзистенциального мышления проявляется в соединении, «сплаве» интимно-исповедального, личного и общественно значимого, общечеловеческого, универсального начал. Программа художественного синтеза, заявленная Достоевским, позволяла преодолеть катастрофическую тенденцию пореформенной эпохи к разрушению личности человека как целостной системы и воплотить эту целостность в неразрывности сфер самовыражения личности. Характеризуя собственную методологию, Достоевский говорил о необходимости давать «отчет о событии не столько как о новости, сколько о том, что из него (события) останется нам более постоянного, более связанного с общей, с цельной идеей». По его мнению, нельзя «уединять случай» и лишать его «права быть рассмотренным в связи с общим целым» (т. 28, кн. I, с. 72–73).

Выявленные нами атрибутивные характеристики экзистенциального сознания позволяют поставить вопрос о способах его воплощения в художественном мышлении Достоевского, которое как по содержательным, так и по структурным особенностям является экзистенциальным. Аргументом в пользу данного утверждения служит специфика самих текстов Достоевского (и художественных, и публицистических), которые не сводятся к сумме тех или иных мыслей, а существуют одновременно в нескольких смысловых измерениях. Экзистенциальная традиция предполагает использование слова многозначного, поливалентного, «не равного себе». Для понимания важен не только сам текст, как таковой, но и смысловые обрывы, пропуски, пробелы – «значимое отсутствие». Текст экзистенциального сознания рассчитан не на поверхностное формальное прочтение, а на целостное переживание. В процессе чтения происходит «дешифровка чувств»: человеку необходимо ощутить чувства (радость, печаль, отчаяние, восторг и т. д.), понять, что они означают. Человеку необходимо занять определенную позицию по отношению к самому себе и окружающему миру. Поэтому тексты Достоевского представляют собой не «сумму идеологии», а единое художественное целое, что определяет главные идеологические акценты произведений. Рождение смысла и его обретение через рефлексию происходит в процессе «переживания» текста и поставленных в нем «болевых» вопросов

о смысле его личной жизни, о ценностях мира, в котором ему приходится жить, о духовном выживании человека, о смерти души человека через «обезбоживание мира», о поиске смысла жизни. Реальные жизненные впечатления писателя, его индивидуальная экзистенциальная практика реализует себя в производстве смыслов, апеллирует к опыту конкретного субъекта, воспринимающего текст. Нравственный вывод выявляется опосредованно через ситуацию выбора, вытекает из поведения персонажей, а не дается в виде готовой сентенции.

Воплощением доминант экзистенциального сознания является художественный метод Достоевского, предполагающий установку на экзистенциальный диалог с читателем: писатель ставит перед собой задачу привести личность читателя на те позиции, где она сможет самостоятельно переоценить личностную картину мира, отрефлексировать собственные духовные потребности и стремления, сможет сформулировать уникальный смысл собственной жизни. То есть в результате экзистенциального диалога происходит развитие смысловой сферы личности как самого автора, так и читателя. Писатель стремился к живому диалогу, направленному на индивидуальный и коллективный поиск истины, стремился научить своих читателей самостоятельности мышления и ответственности за свои воззрения, услышать их живые голоса и замечания по поводу поставленных в журнале проблем. Экзистенциальный диалог Достоевского предполагает взаимопроникновение субъектов, «со-бытие бытия» (М. М. Бахтин); открытость новому содержанию без однозначной, заранее определенной установки; проявление эмпатических реакций (поддержка, сочувствие, сопереживание) к идеологическим моделям собеседника (собеседников); допустимость альтернативных авторской идеологических позиций; двунаправленность – обращенность на себя и вовне одновременно; момент полемики; в отдельных случаях – переход к прямой авторской оценке.

Оптимальной жанровой структурой репрезентации экзистенциального сознания в творчестве Достоевского являются «пограничные жанры», лежащие за пределами традиционной эстетики: «В промежуточных, например автобиографических и биографических, жанрах в середине и во второй половине XIX в. порой особенно обнажено выступают принципы понимания человека и связь этих принципов с современными политическими, историческими, психологическими, этическими воззрениями» [9, с. 8].

«Пограничный жанр» представляет собой полифункциональную структуру, синтезирующую как собственно художественные, так и публицистические, философские, нехудожественные элементы.

Несмотря на то, что в творчестве Достоевского представлены художественная и нехудожественная формы рефлексии, Достоевский в первую очередь писатель, а не философ. Эту особенность как атрибутивную характеристику своего художественного мышления писатель фиксирует в записных тетрадях к «Дневнику писателя»: «Художественностью пренебрегают лишь необразованные и туго развитые люди, художественность есть главное дело, ибо помогает выражению мысли выпуклостью картины и образа, тогда как без художественности, *проводя лишь мысль*, производим лишь скуку, производим в читателе незаметливость и легкомыслие, а иногда и недоверчивость к мыслям, неправильно выраженным, и людям из бумажки» (т. 24, с. 77). Идеология в произведениях Достоевского не существует в чистом виде. Цели произведений Достоевского актуализируются исключительно в собственной художественной стихии и не могут быть восприняты и интерпретированы вне ее. В то же время синтез художественного и философского начал обнаруживает перед исследователем методологические трудности: логика понятий, суждений и логика образов – противоположны по своей сути. Строгие логические категории наполняются в текстах Достоевского (особенно репрезентативен в этом отношении «Дневник писателя») живым образным смыслом.

Одним из репрезентативных примеров «пограничных жанров» в творчестве Достоевского являются «эго-тексты», обладающие необходимым арсеналом идеологических и художественных средств (формальных и содержательных) для воплощения экзистенциального сознания:

1. Дневниковая проза Достоевского – уникальное средство самоописания, дающее представление о срезе сознания человека в момент фиксации своего психологического состояния. Дневники своей формально-содержательной структурой реализуют идею незавершенности и открытости (неготовности), что наиболее соответствует природе человеческого сознания. В творческом наследии Достоевского мы встречаем два показательных примера дневникового текста – «Дневник писателя» и дневник лечения в Эмсе.

Рефлексия Достоевского носит экстравертный характер. Это характерная особенность мировоззрения писателя, который никогда не вел личных, интимных дневников, практически не оставил при-

мых свидетельств о своей внутренней жизни¹, не включал в свои произведения открыто звучащий авторский голос. Думается, что именно публицистика давала возможность Достоевскому раскрыть свое мирозерцание, напрямую говорить с читателем о своем экзистенциальном опыте, требующем исключительно саморепрезентации. Особый интерес в этом отношении представляет тот факт, что «Дневник писателя» начинает издаваться именно в 1870-е годы. Причина, на наш взгляд, кроется не только в особом переходном, кризисном потенциале эпохи. В этот период сформировалась необходимая дистанция в сознании Достоевского по отношению к фактам собственной жизни и жизни России: появилась возможность осмыслить опыт «порепороченных» романов («Преступление и наказание», «Идиот»), создававшихся в эпоху острейших социальных и духовно-мировоззренческих катаклизмов; стали очевидными результаты реформы 1861 г. (писатель будет неоднократно говорить о трагической роли «19 февраля» в судьбе отдельных людей и русского народа); обозначились векторы нового исторического и духовного развития. Писатель обращается к осмыслению возможностей личных записей, дневника как литературной формы, что впоследствии приведет к четкому и репрезентативному жанровому определению нового издания – «Дневник писателя». Жанр дневника предполагает установку на интимность, сокровенность, частность рефлексии, но применительно к экзистенциальному сознанию дневник оказывается единственно возможной формой представления своего опыта: правду о себе знает и может сказать только сам человек, любой «внешний» взгляд искажает представление личности о себе и своем опыте, превращает ее в объект. При этом вторая смысловая доминанта – «Дневник писателя» – акцентирует значимость экзистенциального опыта Достоевского: эта «книга, написанная одним пером» (т. 22, с. 136), становится для писателя оптимальной формой репрезентации содержательного опыта экзистенциального сознания (собственного жизненного опыта, опыта человека эпохи 1860–1870-х гг., опыта мира в целом), которое связано с общекультурным, эстетическим и философским сознанием эпохи. Экзистенциально-философские доминанты «Дневника писателя» направлены на осуществление рефлексии своего собственного бытия в сознании, культуре и социуме.

Опытом своих интимных переживаний в молодости Достоевский делился только с одним человеком – старшим братом Михаилом Достоевским как человеком, предельно близким ему по духовным и мировоззренческим установкам. При этом «исповедальность» в письмах к брату тоже совершенно особая: многие идеи не проговариваются, а только намечаются, поскольку диалог идет преимущественно на уровне сознаний, диалог с единомышленником, который понимает и чувствует своего адресанта. Для зрелого Достоевского характерна предельная закрытость внутреннего мира и творческих задач от посторонних. Даже если в письмах он говорит о замыслах своих произведений или фактах общественной жизни, поразивших его, он акцентирует не личное, а общечеловеческое содержание событий.

Дневник лечения в Эмсе – уникальный текст, в котором Достоевский подробно фиксирует свое физическое и эмоциональное состояние до, во время и после припадков. Уникальность этого текста заключается еще и в том, что он не попадал в орбиту пристального исследовательского интереса и не рассматривался как текст сознания, предметом рефлексии которого становится собственная болезнь. Критическое отношение к болезни, своему характеру проявляется в том, что Достоевский фиксирует не только факты физического самочувствия, но и собственные эмоциональные реакции. Болезнь максимально усиливает переживание «пограничной ситуации» (1874 г.), актуализирует двойственность характера писателя, которую он сам в эти моменты предельно остро осознает. В связи с этим перед исследователем возникает задача осмыслить значение болезни в общей сумме экзистенциального опыта личности, в духовном опыте человека. Болезнь рассматривается писателем как источник положительного духовного опыта, поскольку сам факт рефлексии является знаком успешности преодоления личностью «пограничной ситуации».

2. Записные книжки и тетради (Сибирские тетради) как тексты, фиксирующие сам процесс проживания «пограничной ситуации», отражающие становление экзистенциального сознания и выработку способов его воплощения в художественной форме.

3. Заметки («Припадки», 1869).

4. Альбомные записи (например, в альбом Ф. Г. Загуляевой, в альбом О. А. Козловой).

5. Краткие биографические сведения, продиктованные писателем А. Г. Достоевской (конец 1870-х гг.), как рефлексия собственного биографического опыта.

6. Покаяния – одна из наиболее репрезентативных форм экзистенциальной рефлексии, поскольку «пограничность» ситуации в данном случае осознается автором исповеди максимально. Эта форма особенно важна для Достоевского как человека, динамика духовной жизни которого отражает насыщенность нравственными переживаниями. Нам известны как минимум две личности, в воспоминаниях которых мы находим косвенные свидетельства (прямые в силу Тайнства исповеди просто невозможны!) об этой принципиально важной для Достоевского сфере рефлексии. Это протоирей Омского Воскресенского Собора о. Дмитрий Пономарев, духовник писателя во время его пребывания в Омском остроге, и о. Иоанн Румянцев, свя-

щенник Храма св. Георгия в Старой Руссе, духовник писателя в последние годы его жизни.

7. Объяснения и показания писателя на следствии по делу Петрашевского, в которых отчетливо обозначаются доминанты, которые в дальнейшем воплотятся в романах Пятикнижия и «Дневнике писателя». В частности, в «Объяснении Ф. М. Достоевского» обращает на себя внимание апелляция к собственному опыту как единственно достоверному для экзистенциальной личности, полемика с точкой зрения Другого, искажающей и деформирующей представление личности о себе («Не припомню, чтоб я когда-нибудь высказывался *весь, каков я на самом деле*, у Петрашевского. Но я знаю себя, и если основывают обвинения на нескольких словах, схваченных на лету и записанных на клочке бумаги, то я не боюсь и такого обвинения, хотя оно самое опасное, ибо ничего нет губительнее, сбивчивее и несправедливее нескольких слов, вырванных Бог знает откуда, относящихся Бог знает к чему, подслушанных наскоро, понятых наскоро, а всего чаще не понятых, записанных наскоро. Но, повторяю, я знаю себя и не боюсь даже такого обвинения» [10, с. 98]), проблема вины и ответственности за свои поступки, слова и воззрения («Я знаю, что мое показание не возьмется за окончательное, за основное, но все-таки оно останется показанием. Что же, если я ошибусь? Ошибка ляжет на моей совести» [10, с. 110]).

8. Подготовительные материалы и черновые редакции романов как своеобразный черновик писательского сознания.

9. Письма как опыт диалога с Другим по поводу той или иной жизненной ситуации в ее экзистенциальной рефлексии.

10. Статьи как сублимация экзистенциального сознания в публицистической форме.

Таким образом, экзистенциальное сознание представляет собой философски-художественный феномен, реализующий себя в различных формах художественного письма. Формирование экзистенциального сознания Достоевского является результатом влияния психогенетических и психоментальных особенностей личности писателя, а также благодаря собственному опыту проживания «пограничных ситуаций». Выявленные нами доминанты экзистенциального сознания позволяют говорить о целостности мировоззрения Достоевского, которое сформировалось до каторги, но после нее получило необходимый стимул для внутреннего самоуглубления, для формирования универсального подхода к пониманию мира и человека.

Список литературы

1. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на страницах столетий: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2002.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
3. Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: «Правда», 1987.
4. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995. С. 107.
5. Накамура К. Восприятие природы в «Преступлении и наказании» // Накамура К. Чувство жизни и смерти у Достоевского. СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1997.
6. Гадамер Г.-Г. Философские основания XX века. Актуальность прекрасного / пер с нем. М.: Искусство, 1991.
7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л. Наука. Ленинградское отделение, 1972–1986.
8. Волгин И. Л. «Дневник писателя»: текст и контекст // Достоевский: материалы и исследования. Л.: Изд-во «Наука», 1978. Т. 3.
9. Гинзбург Л. О психологической прозе. Л.: «Советский писатель», 1971.
10. Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М.: «Наука», 1971.

Кошечко А. Н., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.
E-mail: Nastyk78@mail.ru

Материал поступил в редакцию 25.02.2011.

A. N. Koshechko

THE FORMS OF EXISTENTIAL CONSCIOUSNESS IN F. M. DOSTOEVSKY'S WORKS (STATEMENT OF THE PROBLEM)

This article is devoted to analysis of existential consciousness as philosophical and fiction phenomenon, its genesis, features and forms of representation in F. M. Dostoevsky's works.

Key words: *F. M. Dostoevsky, author, existential consciousness, «frontier situation», reflection, genesis, dialogue, creation method, synthesis, genre, ego-text.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Tomsk region, Russia, 634061.
E-mail: Nastyk78@mail.ru